

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

SONDERAUSGABE

СЕМЁН ГУРАРИЙ

АЗБУКА ЛЕГЕНДЫ

ДИАЛОГ С МАЙЕЙ ПЛИСЕЦКОЙ

Simon Gourari

ALPHABET EINER LEGENDE

Dialog mit Maja Plissezkaja

Autorisierte Übertragung: Ellen Seidel

Что для Вас означают аплодисменты?

Аплодисменты для любого артиста великая вещь. Может быть, самая великая. Артисту нужно признание. Некоторые говорят: пишу, танцую, пою для себя. Всё, что делаю я, это только ради публики. Исключительно.

Но ведь аплодисменты так безличностны, абстрактны. Мне иногда кажется, что аплодирующий зал со стороны сцены выглядит каким-то абстрактным балетом.

Абстрактные балеты – это виртуозный набор движений, так сказать не про что. А аплодисменты окрашены определёнными эмоциями благодарности. Это нечто другое. С другой стороны, абстрактные балеты тоже не могут быть совсем уж не про что, так как хореография связана с музыкой, с её эмоциональным содержанием.

Вероятно, всё же у зрителей на абстрактных балетах возникают определённые ассоциации. А возникают ли неожиданные ассоциации у артистов во время спектакля и влияют ли они на исполнение?

Ассоциации возможно и возникают, но в балете они не влияют или не должны никак влиять на исполнителя, ведь менять ничего нельзя, всё построено на заданной постановщиком хореографии, на подробно продуманной определённой последовательности танцевальных комбинаций.

А обновление? Так сказать, авангардное мышление? Известный французский балетный критик Андре Филипп Эрсен написал, что для Вашей характеристики достаточно трех слов – «гений», «мужество» и «авангард».

Вы знаете, **авангард** и авангардистов следует различать в любой области. Скажем, среди композиторов есть, так мною называемые, «пустые авангардисты». Они, по сути, творчески слабы и ничего из себя не представляют. Но их жизненное кредо – напористость и агрессия везде и во всём. Они как бы *обязаны* быть такими. Подобные авангардисты не обновляют, а искажают представление о сути искусства. Насаждая повсеместно лишь свои, по их мнению, единственно «верные» взгляды, они тем самым ломают порой творческие судьбы другим, неокрепшим художникам. По их примитивной психологии, кто не с ними, тот ничего не понимает, словом, дурень. Вы знаете, кажется, Оливье Мессиан сказал: авангард отнял у меня десять лет жизни.

Вы говорите про композиторов. Вернёмся к балету. Сейчас многие танцуют «под Плисецкую». Но когда Вы творчески заявили о себе, Вы тоже были вероятно, по сравнению с другой, более старшей возрастной генерацией, так называемым авангардом?

Абсолютно. Знаете, как меня ругали, отрицали. За то, что я всё, якобы, делала иначе.

Вы это осознанно делали? Или это была тоже своеобразная творческая «агрессия»?

Вряд ли. Мне было просто неинтересно повторять уже кем-то найденное. Зачем ещё раз. Мне, кстати, всегда и себя неинтересно было повторять. Я пыталась в каждом спектакле танцевать нешаблонно. Про меня говорили: это цирк, зачем она поднимает ноги так высоко. Сейчас поднимают гораздо выше. Знаете, так уж повелось в балете, что с чего всё начинается, потом многое забывается. Может быть, так устроена наша память. Но, скажем, эти, мои откинутые назад, голова и корпус в «Умиравшем лебеде», появились не столько *от обратного* Анне Павловой. Для меня было это просто органично. Или когда я встала первый раз вот так (показывает) в «Кармен» (как сейчас танцуют, кстати, во всём мире), это был не только шок, это был скандал: второй премьерный спектакль «Кармен» запретили и заменили на «Щелкунчик».

Случалось ли так, что на Ваших выступлениях публика выражала недовольство?

Нет. Но «Кармен-сюита» вызывала первое время раздражение и неприязнь у определённой части коллег и критиков. Были, конечно, такие, кто воспринял балет с восторгом, но некоторые «плевались».

Словом, артист или художник должен любой ценой добиваться желанного результата?

Ну, а как иначе? Я вам скажу, что настойчивость или одержимость присутствует в характере у всех, кто чего-то добился. Оценивайте результат потом как хотите. То ли искусством, то ли *неискусством*. Но напор должен быть. Нельзя, как говорится, ждать милостей от природы, надо действовать самостоятельно тоже. Конечно, следует отличать в искусстве нас, —

исполнителей или интерпретаторов, – от так называемых создателей первоисточников – композиторов, писателей, художников, архитекторов. Между нами разница. Как чёрное и белое. Подлинному создателю такого рода мелочная агрессия не нужна. Дерзость? Да, но творческая. Он создаёт произведение, и оно потом или существует, или нет. А поскольку решает не он, а время и только время, ему можно не бояться. Если произведение настоящее, то оно будет обязательно жить. А исполнители? – это во многом дело вкуса, удачи и многих других случайных порой обстоятельств. Словом, мы, исполнители, страшно проигрываем создателям. Другое дело, что они также зависят от нас, как и мы от них. Но к сожалению, исполнительские дела и свершения чаще предаются забвению.

Со временем забывают всех: даже Гёте, Толстого, и Пушкина, не говоря уже о других известных творцах.

Это очень относительно, как всё в жизни. Не думаю, что истинных художников, внёсших подлинный вклад в культуру, полностью забудут. С исполнителями же было всегда по-другому. Понимаете, одновременно с исполнителями уходят в лету и их современники, равнодушные свидетели их триумфов или неудач. В истории балета, например, многое сохранилось лишь в каких-то рассказах и в душещипательных историях. Остаются, конечно, и имена-легенды, как Анна Павлова или Вацлав Нижинский. Но вы знаете, когда я рассматриваю архивную фотографию какой-нибудь танцовщицы, то она не передаёт мне практически ничего. Я могу оценить только чувство позы. Конечно, ...